
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 329.15+130.2

DOI: 10.31249/hoc/2021.03.02

*Фишман Л.Г.**

СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ: НЕУДАВШАЯСЯ «КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?®

Аннотация. Статья посвящена ответу на вопрос: действительно ли культурная революция, которую призывал совершить Ленин и совершила советская власть, была социалистической культурной революцией? Обосновывается, что задача совершения собственно социалистической культурной революции оказалась настолько трудно выполнимой, что была фактически подменена задачей окультуривания и просвещения в модерновом и «буржуазном» смысле. По большому счету, так и не возникло институциональных и культурных предпосылок по диалектической переработке «общечеловеческой» культуры в собственно социалистическую и коммунистическую. «Буржуазные», «дворянские», «зарубежные» и иные моральные и культурные образцы не удалось успешно интегрировать и преобразовать в социалистические. Они сохранили известную долю своей привлекательности и ждали своего часа, который пробил в конце 1980-х.

* *Фишман Леонид Гершевич* – доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, e-mail: lfishman@yandex.ru.

Fishman Leonid Gershevich – DSn in Politics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: lfishman@yandex.ru.

© Фишман Л.Г., 2021

Ключевые слова: буржуазность; добродетели; капитализм; культурная революция; Ленин; социализм.

Поступила: 27.04.2021

Принята к печати: 12.05.2021

Fishman L.G.

Soviet socialism: Failed cultural revolution?

Abstract. The article is devoted to answering the question: was the cultural revolution, which Lenin called for and the Soviet government made, really a socialist cultural revolution? The author substantiates that the task of accomplishing a proper socialist cultural revolution turned out to be so difficult that it was actually replaced by the task of civilizing and enlightenment in the modern and «bourgeois» sense. By and large, institutional and cultural prerequisites for the dialectical transformation of the «common human» culture into a socialist and communist culture did not arise. «Bourgeois», «noble», «foreign» and other moral and cultural models' integration and transformation into socialist ones was unsuccessful. They retained a certain amount of their appeal and bided their time, which struck in the late 1980 s.

Keywords: bourgeoisness; virtues; capitalism; cultural revolution; Lenin; socialism.

Received: 27.04.2021

Accepted: 12.05.2021

В нашей статье мы исходим из трех положений, каждое из которых представляется самоочевидным. Во-первых, что Ленин в построении социализма возлагал большую часть надежд на «культурную революцию». Во-вторых, никто, даже ярые враги советской власти, не отрицают, что такая революция все-таки совершилась. В-третьих, несмотря на все это, советский строй потерпел крушение. Означает ли все это, что *в действительности совершившаяся культурная революция* была совсем или в значительно части иной, нежели та, на которую возлагали надежды Ленин и его соратники?

Трудно отрицать, что большевики совершили культурную революцию. Тем не менее мы постараемся здесь показать, что характер этой революции был искажен как в силу объективных трудностей построения социализма конкретно в России, так и вследствие того, что

«социализм» сам по себе есть нечто достаточно противоречивое, трудное для понимания и соблазнительное для попыток упрощения. В первую очередь это относится к его культуре, что и отразилось, на наш взгляд, в позиции и Ленина, и его дальнейших толкователей.

Итак, что же такое социализм в парадигме марксистского мировоззрения? Мы должны заметить, что изначально для классиков марксизма социализм является течением буржуазной мысли, достоянием скорей человеческой «предыстории», чем подлинной истории. Он предполагает решение проблем все еще если не в рамках буржуазного строя, то в пределах обусловленного им мышления. Поэтому социалисты предлагают лежащие на поверхности ответы на противоречия капитализма, ответы, в которых они встают на одну сторону таких противоречий в противовес другим: обобществить собственность, демократизировать управление производством, справедливо распределять, всем трудиться и т.д. Такая исторически предопределенная реакция на капитализм ведет к попыткам его ограничить и реформировать, но не к его действительному преодолению. И даже если мы имеем дело с учитывающим все это научным социализмом, это не избавляет социализм как переходный период к коммунизму от «родимых пятен» капитализма [Маркс, 1961, с. 18].

В.И. Ленин в полной мере осознавал трудности построения социализма, вытекающие из соблазнов соскользнуть в сторону решений, продиктованных мышлением, сформировавшимся как реакция на противоречия капитализма. Поэтому буржуазной культуре Ленин противопоставлял не «пролетарскую культуру», а именно социалистическую. «Разница здесь в том, – замечает В. Межуев, – что так называемая пролетарская культура предполагает существование пролетариата как особого класса, тогда как социализм, будучи бесклассовым обществом, придает и культуре бесклассовый характер» [Межуев]. Трудность заключалась в том, что страна, в которой утвердилась «диктатура пролетариата», по определению, пока не могла похвастаться большими достижениями на пути построения бесклассового общества. Реальный социализм скорее являлся обществом, *стремящимся* к такому состоянию.

Таким образом, ставится нетривиальная задача: классовая диктатура должна создать потенциально бесклассовую культуру. Чтобы социализм стал действительным переходным периодом к коммунизму,

он должен основываться на принципах *самоподдерживающегося* процесса переработки необходимого наследия буржуазной культуры и цивилизации в новое качество. И этот самоподдерживающийся процесс, вне жесткой связи с конкретным культурным содержанием, и есть то, что можно считать собственно социалистической культурой. Вероятно, это и предполагал Ленин, когда писал о диалектической и критической переработке имеющегося культурного наследия. Но это касалось почти идеальных условий – если революция осуществляется в развитой, созревшей капиталистической стране. И даже тогда социализм объективно обречен содержать в себе элементы, характерные для обществ, базирующихся на социальном неравенстве, труде и т.д. Если страна недостаточно развита в культурном (но не политическом! – ведь есть диктатура пролетариата) смысле, то, как резонно полагал Ленин, на первое время (довольно долгое) необходимо овладеть буржуазной культурой, цивилизоваться в буржуазном смысле, хотя бы научиться «торговать по-европейски», а не по-азиатски. Тут не всегда до диалектической переработки: часто речь идет об усвоении «необходимого <...> запаса культуры и знаний и техники» и, почти что в инженерно-техническом смысле, о превращении его «из орудия капитализма в орудие социализма» [Ленин, 1962, с. 382].

О культуре собственно социалистической у Ленина по понятным причинам не было четких представлений. Представления о социализме в области культуры поэтому у него, как и остальных большевиков, были весьма общими. Отчасти они сводились к отрицанию определенных идеологических элементов вроде буржуазного национализма в пользу пролетарского интернационализма, отчасти к противопоставлению буржуазным ценностям вроде индивидуализма и эгоизма их противоположностей – коллективизма и альтруизма. Однако даже такую относительно примитивную стратегию было непросто провести последовательно. Несущий на себе родимые пятна капитализма переходный период подразумевал и в области культуры такие же родимые пятна – и вовсе не только в силу «пережитков прошлого».

Мы хотим здесь подчеркнуть, что построить социализм по такому «техническому заданию» из-за противоречивости требований было чрезвычайно сложно. Поэтому в итоге большевики пошли по относительно простому пути: сочетанию формальной верности идеологии с фактической рецепцией «культуры» как таковой, понятой как

просвещение, цивилизованность, усвоение ряда социальных навыков и норм, потребных человеку для выполнения определенных социальных функций (т.е. того, что обычно называется добродетелями). Такое понимание отразилось, в частности, в следующем высказывании Л.И. Брежнева: «Задача состояла не только в том, чтобы научить людей читать и писать. Надо было утвердить новую, социалистическую идеологию во всех сферах духовной жизни общества. Надо было подготовить свои, советские высококвалифицированные кадры. Надо было создать социалистическую культуру, которой предстояло не только вобрать в себя все лучшее, передовое, что создали люди на протяжении тысячелетий, но и сделать новый шаг вперед в духовном развитии всего человечества» [Брежнев, 1970, с. 88]. В таком понимании, как заметил В. Межуев, ленинская программа культурной революции выглядела как то, что сейчас называется «модернизацией России». Отличие ленинского плана модернизации заключалось в том, что он «хотел осуществить эту модернизацию методами, исключаящими государственное насилие над личностью (как при царизме) и экономическое принуждение (как при капитализме). Пожалуй, в этом и состояла социалистическая направленность его модернизационного проекта» [Межуев]. По нашему мнению, позиция Ленина как раз не была тождественна банальной программе модернизации, но, в силу ряда причин, была к ней сведена на практике, подразумевающей в том числе и принуждение, и насилие.

Так или иначе, дело строительства социализма не представлялось возможным без прочного основания определенных добродетелей. Вопрос в том – каких именно?

Для Ленина ответ был обусловлен потребностями сегодняшнего дня. Последние, в свою очередь, определялись необходимостью достижения уровня культурности и цивилизованности, достаточного для построения самого передового общественного строя. Собственно, и саму русскую революцию можно было осмыслить как «борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему (народу. – Л. Ф.) на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации» [Ленин, 1964, с. 380]. Следовало проделать огромную работу по окультуриванию хотя бы в «буржуазном» смысле огромных масс населения, находящегося в плену «полуазиатской бескультурности». В.И. Ленин саркастически писал по этому поводу:

«В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо... Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях “пролетарской культуры”. Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня» [Ленин, 1964, с. 363–364].

Цивилизация и культура подразумевали чрезвычайно многое: от привычки вставить по будильнику и гудку до развития навыков, начиная с банальной «поголовной грамотности... достаточной степени толковости... достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками» [там же, с. 372], необходимых для осуществления сложной производственной деятельности, для налаживания успешной коммуникации в рамках нуклеарной городской семьи, малых коллективов и больших организаций, вообще навыков городской жизни с соблюдением ряда писанных и неписанных правил и законов¹, не говоря уже о соблюдении правил личной гигиены и приличного бытового поведения, культивировании склонности к возвышенному досугу, а не пьянству и еще множестве других подобных навыков, знаний и умений.

Нетрудно заметить, что требующиеся для всего этого добродетели не имели прямого отношения к социализму и коммунизму. Они в такой же мере требовались людям, живущим в обществах, где не исчезла необходимость в тяжелом труде (и труде вообще), с высокой степенью отчуждения и социального неравенства, с необходимостью разделения на начальников и подчиненных, а также нуждой в защите от внешних угроз и т.д., словом, в обществах, далеких от того, чтобы прыгнуть «из царства необходимости в царство свободы». Показа-

¹ От первоначального замысла специфической «революционной законности» как гибрида «законности и беззакония» [см., напр.: Безверхова, 2017, с. 202] в конечном счете пришлось отказаться в пользу вполне «буржуазного» понимания законности как строгого соблюдения законов.

тельно однако, что в советском обществе долгое время не признавалась объективная общность многих его черт с обществами эксплуататорскими. Считалось, что экономический базис и политическая надстройка объективно исключают возникновение характерных для эксплуататорских обществ социальных практик, моральных изъятий и т.д. Наличие же сходных феноменов осмысливалось в рамках дискурса «пережитков прошлого». Трудно было отрицать, что в СССР есть еще «отсталые люди», которые нарушают социалистическую дисциплину труда, социалистическую законность, неподобающим образом ведут себя в семье, воспроизводя патриархальные отношения, насаждают бюрократизм, отягощены религиозным суеверием и предрассудками, и даже предрассудками националистическими. Но партия большевиков, конечно же, ведет со всем этим неуклонную победоносную борьбу [О борьбе против...]. Считалось даже, что и психические болезни в основном более не являются следствием объективных социальных факторов, потому что таковые в целом изжиты и советское общество в целом является психически здоровым: «детские психиатры 1940-х при упоминании “социального окружения” подразумевали только узкий круг семьи или недостатки конкретных педагогов» [Гальмарини, 2015, с. 144].

Правда, к закату СССР намечился сдвиг к более адекватному осмыслению: стали признавать, что в ряде случаев негативные социальные явления имеют корни в самих советских реалиях. Было признано, что «их сохранение и воспроизводство в условиях социалистического общества имеет свои причины как объективного (недостаточное развитие производительных сил, незрелость ряда групп общественных отношений, например распределительных, несовершенство некоторых звеньев хозяйственного механизма), так и субъективного характера (недостатки в деятельности государственных и хозяйственных органов и отдельных руководителей, формализм в идеологической, воспитательной работе)» [Коммунистическое воспитание, 1984, с. 184–185]. Дошло даже и до откровенных (правда, не получивших широкого распространения) признаний, что социализм сохраняет многие черты, свойственные буржуазному обществу, поскольку по-прежнему никуда не исчезает разделение труда и разные его виды, а это влечет за собой сохранение разного вида неравенства возможностей (не в последнюю очередь в области потребления), например, жи-

телей города и деревни, мужчин и женщин, работников умственного и физического труда, а также прочих факторов, способствующих воспроизводству отчуждения человека от человека и от общества [Алымов, 2012, с. 268–269].

Словом, вне зависимости от того, признавалось это официально или нет, от советского человека в очень большой (если прямо не бóльшей) степени требовались добродетели, свойственные крестьянам и рабочим, буржуа и аристократам эксплуататорских обществ. Разумеется, большевики не собирались, как было ранее, воспитывать членов социалистического общества различным образом, чтоб одни усваивали добродетели, нужные управляемым, а другие – управляющим, чтоб каждый сверчок знал свой шесток. Напротив, сутью их социально-антропологического проекта было стирание границы между совокупностями добродетелей, ранее исторически обусловленной принадлежностью к управляемым и управляющим, эксплуататорам и эксплуатируемым. То, что «любая кухарка» не может прямо сейчас приступить к управлению государством, казалось им прискорбным и подлежащим исправлению – путем обучения, воспитания и окультуривания этой самой кухарки. Советский человек должен был стать личностью, обладающей управленческими и предпринимательскими способностями буржуа, образованностью и культурностью аристократии и пролетарской сознательностью, которая должна была гармонично объединить все эти достоинства ради достижения как высоких общественных, так и (не противоречащих им) индивидуальных целей.

Проблема заключалась в том, откуда взять или как выработать культурные образцы, которым подражали бы советские люди? Пытаясь быть последовательными, советские идеологи и теоретики искусства ставили перед писателями весьма непростые задачи.

Так, стране требовались образцы героев.

Но герой и героическое, чтобы удовлетворять потребности советской пропаганды, должны были в первую очередь служить проводниками универсальных, обусловленных коммунистической идеологией ценностей и лишь затем обладать какими-то индивидуальными *человеческими* чертами. От советского героя требовалось, чтобы его героизм не являлся калькой с героизма прежних времен, чтобы герой вдохновлял массу, но при этом не слишком бы возвышался над нею, а последняя не выглядела только лишь фоном для выдающихся людей.

Пример попытки совместить трудно совместимые требования к социалистическому герою (и автору) мы встречаем у А. Богданова. Согласно ему центральной фигурой художественного произведения должен был стать коллектив – сначала классовый, а затем и общечеловеческий в борьбе с природой. Автор же выступал в роли организатора «данного материала, а через то, в известной мере, и самой коллективности», что, по Богданову, схоже с «ролью сборщика машинных частей в механическом производстве». Одновременно такое радикальное умаление личного вклада требовалось примирить с представлениями о том, что «только в социалистическом строе возможен полный расцвет духа и выявление личности» [Тепляков, 2018, с. 11–12]. Планка подымалась еще выше, когда деятели вроде А.М. Горького провозглашали, что новая литература призвана «освободить мышление ребенка от предрасположенных прошлым его дедов и отцов технических навыков мысли, от ее заблуждений, в основе коих заложен многовековой опыт консервативного быта, построенного на классовой борьбе и на стремлении единиц к самозащите, к утверждению индивидуализма и национализма как “вечных” форм и законов социального бытия» [Горький, 1989, с. 118]. Нетрудно догадаться, что такого рода пожелания было гораздо легче сформулировать, чем исполнить¹ и что поэтому образы героев советской литературы обычно создавались по привычным канонам. И происходило это не только потому, что советскому человеку объективно требовались многие качества буржуа, аристократа, авантюриста и т.д., но и вследствие (как мы уже указывали выше) нетривиальности и трудной практической выполнимости задачи, поставленной перед советской культурой, – выработки собственно социалистических и коммунистических личностных образцов.

Уже к концу 1940-х стало ясно, что с этой задачей советские инженеры человеческих душ удовлетворительно справиться не смогли. Не получилось убедительно нарисовать ни негероического героя, ни «самодисциплинирующего ребенка», ни «свободной марионетки»

¹ О чем свидетельствует, к примеру, множество неудачных произведений в области детской литературы, появившихся в довоенный период. Авторы банально не понимали, как им следует писать, изображая подростковую жестокость как истинную требовательность к другу, подозрительность и недоверчивость как бдительность и т.д. [см. подр.: Фатеев, 2007, с. 86–93].

вроде Буратино, которая обладала бы всеми качествами автономной личности, но всегда абсолютно добровольно выбирала бы то, что требует от нее в очередной раз изменившаяся «линия партии». Усилия предпринимались немалые: «в педагогических опусах конца 1940-х годов была предложена... невероятная утопия – свободного, самовоспитывающегося, но при этом абсолютно дисциплинированного и индоктринированного подростка», которая «стала особенно значимой из-за кризиса школы». Тем не менее «поставленная перед детьми задача – стать идеологически безупречной личностью, познавая при этом собственные реальные достоинства и недостатки, – была настолько сложной и нежизнеспособной, что, кажется, вызывала скрытое недоверие даже у участников дискуссий о воле конца 1940-х» [Кукулин, 2015, с. 171–172].

Поскольку же перед страной стояли задачи, которые требовалось решать неотложно, постольку в области культуры они решались фактически путем заимствования зарубежных образцов. И это происходило не только потому, что «так проще», но и поскольку требуемый для построения социализма минимальный уровень культуры, развития «человеческого капитала», у многих большевиков ассоциировался именно с развитием капитализма. Примеры такого морального и культурного развития, достигнутого *в рамках* капитализма, представлялись в качестве образцов, вызывающих белую зависть. Так, видный партийный и государственный деятель Ю. Ларин, вспоминая свою поездку в Стокгольм, писал, что был поражен отсутствием кондукторов в трамваях, а также основанной на доверии к человеку практикой самообслуживания за фиксированную плату в ресторане. Он объяснял это тем, что «в Швеции, которая была в то время страной по преимуществу крестьянской, уже много сотен лет нет крепостного права. Уже много сотен лет, как они ведут собственное хозяйство, привыкли думать, но они работают на себя; в них впиталось такое убеждение, что, если я беден, то не потому, что меня другие обижают, что барин у меня все отбирает и сам роскошествует, – но моя бедность происходит от того, что или бог меня наказал, или я не сумел вести хозяйство, или просто это какое-то несчастье» [Ларин, 1929, с. 13–15].

«Прямо стонет душа: когда же, наконец, будет все чистым, блестящим, лучшим? – отмечал в записных книжках 1940 г. член ЦК ВКП(б) писатель В.В. Вишневский. – Когда народится во всех, в каж-

дом органическая потребность красоты, изящества?.. Хотел бы увидеть страну подлинно вровень с европейской бытовой культурой...» [Вишневский, 1961, с. 498–499]. «Новый духовный склад», равно как и новая бытовая культура, по крайней мере на первых порах должны были во многом воспроизвести на советской почве вполне себе старый духовный склад и бытовую культуру буржуазных стран – например, как в Швеции, а пуще того – как в Америке.

Поэтому в первые десятилетия советской власти и позже советский человек *открыто* учился у американцев, восхищаясь их достижениями, техникой, управленческими методами. Л. Супоницкая перечисляет множество областей, в которых осуществлялось такое подражание. Известный американский автомобильный магнат Форд «стал образцом для “красных директоров”... В советском обществе насаждались черты американского характера – энергичность, деловитость, организаторские качества... Сталин заявил: “Американская деловитость, эта та неукротимая сила, которая не знает и не признает преград... Соединение русского революционного размаха с американской деловитостью – в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе”... При создании советской школы была использована концепция образования философа Дж. Дьюи. В основу единой трудовой школы положен его принцип обучения с помощью труда... Американизация захватила и советскую массовую культуру. Увлечение джазом не обошло стороной строителей коммунизма... В кино американское влияние проникло еще до революции... характеры героев лент Александра весьма схожи с американскими – молодые, жизнерадостные, во всем добиваются успеха, но не для себя лично, как американцы, а для всей страны... Созданный в 1936 г. “Союздетмультфильм” оказался точной копией студии Диснея. “Диснеизация” означала переход к конвейерному производству мультфильмов» [Супоницкая, 2013, с. 46–59].

Помимо зарубежных буржуазных советское воспитание и образование ориентировались и на другие личностные образцы, не в последнюю очередь на образцы дворянских героев русской классической литературы или отсылки к античному и средневековому наследию. Это было совсем не удивительно, поскольку классово «правильных» примеров гармонически развитой личности (каковая являлась одним из социалистических идеалов) у победившего пролетариата не

было. Оставалось пользоваться примерами не совсем правильными, но все же вдохновляющими. Для этого требовалось разъяснить необходимость правильного понимания соотношения классового и общечеловеческого в культуре. В частности, А.В. Луначарский писал, что необходимо показывать, что демократические элементы в культуре прошлого не всегда являются отражением в искусстве классовой борьбы трудящихся масс. В условиях рабовладения, к примеру, эти элементы связаны с развитием рабовладельческой демократии, а в эпоху Средневековья и Возрождения в них отражаются светские мотивы; борьба «земного» и «небесного» связывается с защитой человеческих стремлений против аскетического, религиозно-мистического засилья. В итоге важным оказывалось и то искусство, «которое может не совпадать с нашим мировоззрением, но которое известной стороной с ним соприкасается» [Луначарский, 1964, с. 283].

Итогом усилий советской власти, безусловно, стала культурная революция, если под таковой подразумевать радикальный переход масс от, условно говоря, домодерновой культуры царской России к модернизированной, и общий «подъем культуры». Вместе с тем эта культурная революция так и не стала социалистической в марксистско-ленинском понимании. По большому счету, так и не возникло институциональных и культурных предпосылок по диалектической переработке «общечеловеческой» культуры в собственно социалистическую и коммунистическую. «Буржуазные», «дворянские», «зарубежные» и иные моральные и культурные образцы не удалось «переварить». Они сохранили известную долю своей привлекательности и ждали своего часа. В результате к концу 1980-х культура и мораль советского человека оказались вполне готовыми для того, чтобы вписаться в эпоху перестройки, быстро закончившейся построением новой версии общества, основанного на эксплуатации и социальном неравенстве.

Список литературы

Альмов С. Понятие «пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг. // Антропологический форум. – 2012. – № 16. – С. 261–287.

Безверхова С.В. Революционная законность как социалистический проект // Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных пре-

образований : сб. науч. тр. / гл. редактор Л.Н. Мазур ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 752 с.

Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. – 608 с.

Вишневский В. Собрание сочинений : в пяти томах. – М. : Гослитиздат, 1954–1961. – Т. 6 (доп.). – 1961. – 724 с.

Гальмарини М.К. Морально дефективный, преступник или психически больной? Детские поведенческие девиации и советские дисциплинирующие практики: 1935–1957 // *Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)*. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 696 с.

Горький М. О детской литературе, детском и юношеском чтении. – М. : Дет. лит., 1989. – 222 с.

Коммунистическое воспитание : словарь / под ред. Л.Н. Пономарева и Ж.Т. Тощенко. – М. : Политиздат, 1984. – 301 с.

Кукулин И. «Воспитание воли» в советской психологии и детская литература конца 1940-х – начала 1950-х годов // *Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)*. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – С. 171–172.

Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. – М. : Государственное издательство, 1929. – 143 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 36 : Март – июль 1918. – 1962. – XXVI, 741 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений [Текст] / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 45 : Март 1922 – март 1923. – 1964. – XXII, 729 с.

Луначарский А.В. Собр. соч. : в 8 т. – М. : Худож. лит., 1963–1967. – Т. 3 : Дореволюционный театр. Советский театр : статьи, доклады, речи, рецензии. (1904–1933). – 1964. – 627 с.

Маркс К. Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 19. – 703 с.

Межуев В. Теория культурной революции как будущее. – URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/15763-teoriya-kulturnoy-revolycii-kak-buduschee.html

О борьбе против пережитков капитализма. – URL: https://pikabu.ru/story/pravda_1950_o_borbe_protiv_perezhitkov_kapitalizma_6786844

Супоницкая И.М. Американизация советской России в 1920–1930-е гг. // *Вопросы истории*. – 2013. – № 9, сентябрь. – С. 46–59

Тепляков Д.А. Идея пролетарской культуры Александра Богданова // *Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации* : сб. науч. тр. / под ред. О.В. Горбачева и Л.Н. Мазур ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 11–12.

Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. – М. : МАКС Пресс, 2007. – 348 с.

References

- Alymov, S. (2012). Ponyatie «perezhitok» i sovetskie social'nye nauki v 1950–1960-e gg. [The concept of «relic» and Soviet Social Sciences in the 1950 s and 1960 s]. In *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], (16), (pp. 261–287). (In Russian).
- Bezverhova, S.V. (2017). Revolyucionnaya zakonnost' kak socialisticheskij proekt [Revolutionary legality as a socialist project]. In *Epoxa socialisticheskoy rekonstrukcii : idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij : sb. nauch. tr.* [The epoch of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations: collection of scientific papers] L.N. Mazur (chief editor); M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Ural. feder. un-t. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian).
- Brezhnev, L.I. (1973). *Leninskim kursom. Rechi i stat'i. T. 2* [The Lenin course. Speeches and articles. V. 2]. Moscow : Politizdat. (In Russian).
- Vishnevskij, V. (1961). *Sobranie sochinenij v pyati tomah. T. 6 (dop.)* [Collected works in five/ volumes. V. 6 (add.)]. Moscow : Goslitizdat. (In Russian).
- Gal'marini, M.K. (2015). Moral'no defektivnyj, prestupnik ili psihicheski bol'noj? Detskie povedencheskie deviacii i sovetskie discipliniruyushchie praktiki: 1935–1957 [Morally deficient, criminal, or mentally ill? Children's behavioral deviations and Soviet disciplining practices: 1935–1957]. In *Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: Pedagogical and Social Design of the Post-War School (1940 s-1980 s)], 144. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Gor'kij, M. (1989). *O detskoj literature, detskom i yunosheskom chtenii* [About children's literature, children's and youth reading]. Moscow : Det. lit. (In Russian).
- Ponomarev L.N. & Toshchenko Zh. T. (eds.) (1984). *Kommunisticheskoe vospitanie: Slovar'* [Communist education: A Dictionary]. Moscow : Politizdat. (In Russian).
- Kukulin, I. (2015). «Vospitanie voli» v sovetskoj psihologii i detskaya literatura konca 1940-h – nachala 1950-h godov [«Education of the Will» in Soviet psychology and children's literature of the Late 1940 s – early 1950 s]. In *Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e zz.)* [Islands of Utopia: Pedagogical and social design of the post-war school (1940 s–1980 s)], 171–172. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Larin, Yu. (1929). *Alkogolizm i socialism* [Alcoholism and socialism]. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Lenin V.I. (1870–1924). (1962). *Polnoe sobranie sochinenij. T. 36: Mart–iyul' 1918* [Complete collection of works. V. 36: March–July 1918]. In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. Moscow : Gospolitizdat. (In Russian).
- Lenin V.I. (1870–1924). (1964). *Polnoe sobranie sochinenij. T. 45 : Yanvar' 1922 – mart 1923* [Complete collection of works. V. 45: January 1922 – march 1923]. In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. M. : Gospolitizdat. (In Russian).
- Lunacharskij, A.V. (1964). *Sobr. soch. : V 8 t. T. 3 : Dorevolucionnyj teatr. Sovetskij teatr : Stat'i, doklady, rechi, recenzii. (1904–1933)* [Collected works: In 8 vols. Vol. 3: Pre-revolutionary theater. Soviet theater: Articles, reports, speeches, reviews. (1904–1933)]. Moscow : Hudozh. lit. (In Russian).

Marks, K. (1961). Kritika Gotskoj programmy [Critique of the Gotha Program]. In *Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 19* [Marx K., Engels F. Essays. 2 nd ed. V. 19], 18. Moscow : Gospolitizdat. (In Russian).

Mezhuev, V. *Teoriya kul'turnoj revolyucii kak budushchee* [The theory of the Cultural Revolution as the future]. Retrieved from : http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/15763-teoriya-kulturnoy-revolyucii-kak-budushee.html (In Russian).

O bor'be protiv perezhitkov kapitalizma [On the struggle against the remnants of capitalism]. Retrieved from : https://pikabu.ru/story/pravda_1950_o_borbe_protiv_perezhitkov_kapitalizma_6786844 (In Russian).

Suponickaya, I.M. (2013, Sept.). Amerikanizaciya sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gg. [Americanization of Soviet Russia in the 1920 s-1930 s]. In *Voprosy istorii* [History questions], (9), (pp. 46–59). (In Russian).

Tepliyakov, D.A. (2018). Ideya proletarskoj kul'tury Aleksandra Bogdanova [The idea of proletarian culture by Alexander Bogdanov]. In *Sovetskij proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizacii: sb. nauch. tr.* [The Soviet project. 1917 s–1930-s: stages and mechanisms of implementation: collection of scientific works]. O.V. Gorbachev & L.N. Mazur (eds.); M-vo nauki i vysshego obrazovaniya Ros. Federacii, Ural. feder. un-t., 11–12. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian).

Fateev, A.V. (2007). *Stalinizm i detskaya literatura v politike nomenklatury SSSR* [Stalinism and children's Literature in the Politics of the Nomenklatura of the USSR]. Moscow : MAKS Press. (In Russian).